

Ван Дачжуан открыл рот, но слова звучали сухо и неуверенно:

— Я помню... мы начинали разговор не об этом...

Юй Чанцин молча смотрел на него.

Ван Дачжуан снова запнулся, потом заикаясь произнёс:

— Сяньцзюнь, это ведь серьёзное дело, тебе стоит всё как следует обдумать. Заключение союза между культиваторами — это клятва перед Небом, связь судеб. Это не как в мирской жизни, где можно развестись или расстаться... Расторжение союза, кажется, наносит урон телу, я не хочу, чтобы тебе было плохо... Я вовсе не против тебя... Я только хочу сказать, что такие вещи нельзя решать сгоряча, это слишком безответственно... К тому же... я не готов к этому. Дело не в том, что я против тебя, просто... я ведь мужчина, я... никогда не думал... что мог бы быть с тобой...

Юй Чанцин молча смотрел на него, и его взгляд постепенно меркнул.

— В конце концов, ты просто не хочешь... — тихо сказал он.

Ван Дачжуан не успел ответить, как вдруг Юй Чанцин вспыхнул:

— Раз так, возвращайся в деревню Ван! И больше никогда не попадайся мне на глаза!

Ван Дачжуан вздрогнул. В одно мгновение его охватило то же чувство, что и тогда, когда Сяньцзюнь покинул его. Те долгие дни без него, невыносимая тоска, гнетущая пустота... Но теперь они провели вместе целых пять лет, и разлука казалась ещё страшнее. Одна лишь мысль об этом уже сжимала грудь, затрудняла дыхание, становилась невыносимой.

Он хотел было возразить, но Юй Чанцин резко встал, и в его глазах вспыхнул яростный свет.

— Ты, наверное, только и ждал, чтобы я это сказал? Забудь! И не мечтай! Если ты не согласишься, я сломаю тебе ноги и закую в цепи из чёрного железа в своей пещере! Посмотрим, как ты тогда сбежишь!

Ван Дачжуан: «...»

«Опять это. Неужели нельзя придумать что-то новое? Сколько можно твердить одно и то же? Можно хоть слово вставить?»

Он взглянул на Юй Чанцина. Бледная кожа его лица приобрела болезненную белизну, едва

заметный румянец, вспыхнувший ранее, давно сошёл на нет.

Ван Дачжуан тут же забыл обо всём остальном, подскочил к нему и осторожно приложил ладонь к его груди, успокаивая его дыхание:

— Ну вот, опять ты... Зачем ты так злишься? Я ведь не сказал, что не хочу. Просто это не пустяк, я не хочу, чтобы ты потом жалел...

Юй Чанцин не сопротивлялся, позволяя ему прикоснуться. Только его глаза оставались холодными и отстранёнными.

Когда дыхание Сяньцзюня наконец выровнялось, Ван Дачжуан сжал губы, опустил голову и тихо произнёс:

— Всё так внезапно... Я...

Дыхание Юй Чанцина снова сбилось.

— Мне давно уже не пятнадцать. Я не горячий юнец, который действует на эмоциях, не думая о последствиях. Я прожил более пятисот лет, скитался по миру, видел многое, я не был с детства окружён заботой, как дети из сект. Я не наивен, не мечтателен. Раз я сказал это, значит, я уверен в своём решении. Я не пожалею об этом. Так что не используй меня как оправдание. Просто скажи — ты согласен или нет? Ты готов связать свою судьбу со мной и никогда больше не расставаться?

Ван Дачжуан поднял на него глаза, но тут же снова опустил голову.

— Сяньцзюнь, ты — Почтенный Ханьян, старейшина секты Гуйюань, само её сердце, жемчужина мира культивации. Весь мир знает, что по твоим талантам, по твоей красоте тебе нет равных. Даже небесные феи тебе под стать... А я? Я всего лишь деревенский охотник, самый обычный смертный. Даже простые девушки не согласятся выйти за такого, как я... А ты говоришь о заключении союза со мной — разве это не безрассудство? Союз — это не на день или два, не на год или два. Это на всю жизнь. А жизнь культиватора длинна, и никто не знает, сколько она продлится...

— Кто достоин, а кто нет — решаю не другие, и не ты. Это решаю я! — твёрдо ответил Юй Чанцин.

Ван Дачжуан неуверенно пробормотал:

— Если ты и правда заключишь союз с обычным деревенщиной, тебя же засмеют...

Юй Чанцин снова, казалось, готов был разозлиться, но холодно сказал:

— Пусть смеются! Мне нравится деревенщина! Кто может мне запретить?!

Ван Дачжуан поднял голову и застыл, глядя на него во все глаза.

Юй Чанцин посмотрел на него — злость бесследно исчезла, оставив лишь глубокое чувство бессилия. Что он мог поделать с Ван Дачжуаном? Неужели и правда смог бы сломать ему ноги? Этот человек... Теперь он мог лишь грозить словами, но даже волоска с него не позволил бы упасть.

Он постоял в оцепенении, а затем тяжело вздохнул:

— Ладно. Всё, что ты сказал, — это лишь отговорки. В конечном итоге, ты просто не испытываешь ко мне чувств...

Что с того, что он Почтенный Ханьян? И что с того, что он обычный деревенский парень? Никто не говорил, что деревенский житель обязан влюбиться в старейшину. Если человек не хочет тебя, то даже если ты достигнешь вершины культивации, ничего не изменится. В итоге можно лишь насильно удерживать человека рядом, а потом годами пожинать его ненависть... Это доброта Ван Дачжуана заставила его слишком высоко думать о себе...

Никогда раньше он не ощущал такого бессилия перед кем-то или чем-то. Да, в детстве он скитался по улицам, хлебнул немало горя, но даже в самые тяжёлые времена не был слабым. Он всегда был жесток и решителен — даже если бы пришлось умереть, он хотя бы оставил врага истекать кровью. Став сильным, он привык, что силу можно использовать для решения любых проблем. Но Ван Дачжуан не был врагом, и силу здесь применить было нельзя. Он не знал, что делать.

В детстве алхимик, который хотел сварить из него пилюли, сказал:

«С твоим отвратительным волчьим нравом ты, может, и сможешь кого-то одурачить красивой мордашкой, но стоит кому-то подойти поближе, как никто тебя не вынесет!»

Тот алхимик был мерзавцем, но он был прав. Все эти годы Юй Чанцин не стал ненавистен лишь потому, что никого не подпускал к себе.

С рождения он был тем, кого не любят. И всё-таки в глубине души верил, что Ван Дачжуан — исключение. Но нет... Просто у того мягкий характер, да слабость к красоте, вот и не говорит правды. Пока красивое лицо привлекало его, Ван Дачжуан заботился о нём, но как только речь зашла о том, чтобы связать судьбы, он отказался.

Он помнил, как однажды спросил Ван Дачжуана, каким тот его видит.

«Ты снаружи холодный, а внутри добрый. У тебя доброе сердце. И ты красивый...» — ответил Ван Дачжуан.

Но за эти годы Ван Дачжуан, должно быть, понял, что он холоден и снаружи, и внутри, что у него нет доброго сердца. Осталась лишь внешность. Но даже если он красив, и Ван Дачжуану это нравится, это лишь любовь к красоте, а не те чувства, которые он испытывает к Ван Дачжуану. Кто захочет заключить союз с красивым куском нефрита?

Юй Чанцин внезапно ощутил в себе злость, но, глядя на Ван Дачжуана, оказался совершенно беспомощен. Этот человек незаметно проник в его сердце и поселился в самом мягком его уголке. Его можно только беречь, нельзя трогать или ранить, иначе больнее будет только ему самому.

На миг ему даже захотелось изуродовать своё лицо — проверить, останется ли тогда Ван Дачжуан рядом.

Ван Дачжуан смотрел, как Сяньцзюнь, ещё недавно такой уверенный, вдруг изменился в лице. На его лице появилась растерянность и печаль, от которых сердце Ван Дачжуана сжалось. Его Сяньцзюнь всегда должен быть гордым и сильным, даже в самые тяжёлые времена он был лишь вспыльчивым, а не таким... сломленным. Такое беспомощное выражение не должно было появляться на его лице.

Юй Чанцин встал. Ван Дачжуан тут же схватил его за рукав.

— Ты куда?

Юй Чанцин отвернулся и холодным голосом, в котором не отразилось ни тени усталости или растерянности, ответил:

— В комнату. Медитировать.

<http://bllate.org/book/12569/1117974>